ВАДИМ АРИСТОВ

РУССКИЙ МИР БУДАПЕШТА И ВЕНГРИИ

(очерки и статьи по истории и современности)

Будапешт
2003

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 10.
Отдых и развлечения

Глава 11.
Спорт

Глава 12.
Проблемы, приключения, преступность

Глава 13.
Психология

Глава 14.
Русский мир венгерской провинции

Постскриптум к главе 13

Часть III.

дела красных войск Венгрии», – говорилось в обращении наркома Советской России.

Обращение Чичерина было опубликовано в первом номере местной русской газеты «Правда». Она была органом уже упоминаемой Будапештской группы РКП (б) и появилась в Будапеште 6 апреля 1919 года. Газета выходила два раза в неделю. Всего до конца существования Венгерской советской республики вышло 34 номера. Редактором будапештской «Правды» был Василий Тимофеев. В её издании ему активно помогали всё те же большевики Юстус, Берман и Урасов. В одной из венгерских газет того времени сохранилось свидетельство о том, что первая русская газета в Венгрии «расходилась довольно бойко, покупали её не только проживающие в Будапеште русские, но и венгры, научившиеся русскому языку в плену».

В «Правде» освещались события Гражданской войны в России, положение на фронтах в Венгрии, агитационно-пропагандистская работа местных большевиков и положение русских военнопленных в Будапеште. Так, в номере от 12 апреля 1919 года газета сообщала: «В настоящее время в бараках Августа пребывает свыше 300 русских военнопленных, бежавших из Германии. Они размещены просторно, спят на железных пружинных кроватях, на матрацах; снабжены одеялами, пищу получают достаточную, по 1/2 кило хлеба в день, утром и вечером – чёрный кофе, а обед – борщ и кашу или лапшу».

Как видно, эти русские жили вполне неплохо и не очень спешили вступать в венгерскую Красную армию. Для их агитации проводились специальные мероприятия. Например, 13 апреля в аудитории старого политехникума (Гольявар), в VIII районе Будапешта, на улице Мехмед Султан, где часто проходили русские собрания, состоялся концерт-митинг. От имени Венгерской компартии к собравшимся русским и побывавшим в русском плену венграм обратился один из её руководителей и заместитель наркома иностранных дел Эрнё Пор. Он заверил их, что венгерская Красная армия борется «не только за освобождение Венгрии, но и за раскрепощение всего русского пролетариата». В перерыве между речами состоялся концерт на русском и венгерском языках с участием русских артистов-любителей и нескольких профессиональных венгерских актрис.

Ещё раньше, 27 марта 1919 года, газета «Пешти Хирлап» сообщила о собрании русских, которое состоялось в большом зале венгерского Парламента. Это собрание открыл российский большевик Юстус. «...После него, – говорилось в газете, – выступил бывший русский военнопленный Норбер, который пламенно призывал русских пролетариев с оружием в руках поддерживать венгерскую пролетарскую революцию. Товарищ Габор на русском языке от имени международной Красной Армии приветствовал присутствующих. После выступления товарища Берлинова к присутствующим обратился заместитель народного комиссара вооружённых сил Тибор Самуэли. Он призвал их бороться вместе с венгерскими рабочими. Своё выступление он окончил тем, что русская Красная Армия с каждым днём приближается к нашим границам и нам в свою очередь с оружием в руках надо идти ей навстречу, чтобы подать братскую руку».

Довольно часто русские в Будапеште собирались на свои мероприятия в шестом районе по адресу: Рожа утца, дом 61. Здесь были помещения Интернациональной федерации, в которых располагался и Русский культурно-просветительный клуб (в известном смысле его можно считать прообразом нынешнего Российского культурного центра венгерской столицы). 1 мая 1919 года в этом клубе для русских была устроена вечеринка. Там же жена большевика Юстуса Анна проводила работу «среди русских женщин, прибывших из России с венграми». В результате «наиболее сознательные и преданные шли на фронт медицинскими сёстрами в русский батальон».

Из выходившей в Будапеште первой русской газеты можно узнать о мероприятиях, в которых принимали участие русские военнопленные, остававшиеся весной 1919-го в венгерской провинции. Например, в Кечкемете. В первой половине апреля в этом городе на площади Кошута прошёл большой митинг. Выступивший на нём русский военнопленный Иосиф Талалай по-венгерски сказал: «Не надеялся, что мне, сыну свободной Советской России, когда-нибудь придётся говорить на площади города Кечкемета».

Однако русским в Венгрии того революционного времени довелось не только держать речи, но и воевать. В тот же день в Кечкемете многие бывшие военнопленные записались «в ряды русского отряда Красной армии». Сам Талалай стал начальником остававшегося какое-то время в Кечкемете отряда русских красногвардейцев.

Будапештская «Правда» отслеживала на своих страницах боевую деятельность русских военных формирований в Венгрии. В первую очередь – судьбу Русского батальона. Как и борьба венгерской Красной армии в целом, она оказалась непростой и в целом трагичной.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ И ЗА ВЕНГЕРСКИЕ ЗЕМЛИ

Ошибочно думать, что боевые действия венгерской Красной армии, в составе которой воевали русские интернационалисты, были продиктованы только исходившей из Москвы идеей мировой революции. В действительности – при всех коммунистических лозунгах – и сама эта армия, и входившие в её состав русские больше воевали за общенациональные венгерские интересы. А именно – за возвращение отнятых у венгров территорий. И этот факт служит дополнительным опровержением мифа о «большевистском путче», якобы имевшем место в марте 1919 года в Венгрии (такое утверждение, например, есть в материалах нового будапештского музея «Дом террора»).

Для темы данной книги этот миф небезразличен. Ведь в обывательском сознании понятие «большевистский» фактически равно понятию «русский». Отсюда почти автоматически следует вывод, что речь идёт о «путче», устроенном либо самими русскими,

либо с их помощью. Попытки коммунистического правительства России и русских большевиков и военнопленных помочь развитию коммунистической революции в Венгрии и Европе в целом действительно имели место. Фактически с этой целью из Советской России в Венгрию прибыли венгерские коммунисты во главе с Белой Куном. Но тем не менее никакого русского или международного коммунистического путча в Венгрии не было. В феврале 1919-го за распространение своих идей и столкновение с полицией часть руководителей венгерских коммунистов – и в первую очередь прибывших из России – была отправлена в тюрьму. Однако вскоре, когда президент Венгрии Михай Каройи в знак протеста против ультиматумов Антанты подал в отставку, все они были отпущены. Мало того, им предоставили возможность создать единое с социал-демократами социалистическое прави-

Потеря Венгрией 2/3 своих территорий (венгерский плакат)

тельство, и этому правительству официально доверили судьбу спасения Венгрии. Ситуация, в которой оказалась Венгрия весной 1919 года, была такова, что даже «буржуйский» – по большевистским меркам – президент Каройи считал: «Спастись можно только при помощи Интернационала...»

В этом-то как раз и состоит уникальность венгерской социалистической революции и её принципиальное отличие от революции в России, где коммунисты захватили власть силой. В Венгрии они получили её законным путём. Так сказать, цивилизованно. По-европейски.

Объясняя эту ситуацию, автор последней сводной работы по истории Венгрии Ласло Контлер пишет: «Венгрия тогда, пожалуй, не имела политической силы, которая могла бы устроить всех: слишком бурным было время и чересчур противоречивыми общественные интересы и ожидания. Каройи и окружавшие его демократы, несомненно, обладали значительными талантами, которые вполне пригодились бы в мирное время и при стабильном общественном положении, но в ситуации экстремального лихолетья явным образом были бессильны».

Надежда на справедливое устройство послевоенного мира, которую Европа увидела в программе американского президента Вильсона, для венгров рухнула, когда военное руководство Антанты стало предъявлять к ним свои ультиматумы. Получив 20 марта 1919 года очередную ноту, венгерский президент Каройи отверг её, так как она грозила Венгрии новыми территориальными потерями. Как признаёт историк Контлер, Каройи не оставалось ничего другого, как «призвать нацию к сопротивлению и найти поддержку у Советской России, которая совсем рядом, за Карпатами, успешно противостояла Антанте. Поскольку "вильсонизм" оказался несостоятельным, единственной панацеей от надвигавшейся национальной катастрофы представлялся пролетарский интернационализм. Каройи обратился к социал-демократам с настоятельной просьбой поддержать его решение, взяв на себя всю полноту власти и ответственности. 21 марта его просьба была удовлетворена. Социал-демократы ускорили переговоры с арестованными коммунистическими лидерами об образовании единой партии... и в тот же день было объявлено о создании нового правительства – Революционного совета... С самого начала Совет официально заявил, что главной своей задачей считает установление диктатуры пролетариата».

Основная роль в то время русских и России для венгров заключалась в примере строительства более справедливого и сильного, чем прежде, государства и общества. В этот пример тогда верили многие. Причём в отличие от России созданная в Венгрии Красная армия фактически не имела внутри страны своего антипода – белой армии. Венгерская Красная армия была единственной организованной военной силой, выступавшей от имени своего народа. И этому были свои причины.

Несмотря на революцию 1 ноября 1918 года и провозглашение независимой Венгерской республики, отношение к Венгрии на международной арене оставалось прежним. В глазах Антанты и её союзников она была составной частью Австро-Венгерской монархии, которая должна была понести наказание как страна, развязавшая Первую мировую войну.

3 ноября 1918 года австрийский генерал Вебер подписал перемирие со странами Антанты от имени Австро-Венгрии. И хотя как единое государство она уже не существовала, требования победителей саму Венгрию не миновали. Даже наоборот. Если говорить о новых границах и территориальных потерях, то именно Венгрию они коснулись в первую очередь.

В ноябре 1918-го командующий балканской армией французов, чувствовавших себя главными победителями в Первой мировой войне, вручил венгерскому премьеру Михаю Каройи соответствующую конвенцию. Согласно ей территория Венгерского государства значительно сокращалась. По её южным землям теперь проходила демаркационная линия. Венгерская армия, за исключением шести пехотных и двух кавалерийских дивизий, необходимых для поддержания внутреннего порядка, распускалась.

В декабре венгерское правительство получило от французского командования новую ноту. Она устанавливала демаркационную линию на севере Венгрии со Словакией. В результате Словакия, которую венгры традиционно считали частью своей территории, оказалась вне пределов Венгерского государства.

Одновременно обострилась проблема Трансильвании. Свои права на неё заявила Румыния. С 1916 года она воевала на стороне Антанты, и французы в споре с венграми поддержали румын. На отошедшей к Румынии территории оказалось свыше 1 миллиона венгров. Румынское правительство двинуло в Трансильванию свои войска. Пока румыны спорили с сербами, кому должны достаться некоторые другие территории с венгерским населением, французы заняли венгерский город Сегед.

В результате всех этих событий власть венгерского правительства оказалась утраченной почти на 2/3 прежних территорий. Из-за невозможности решить проблему их возврата в Венгрии возник острый политический кризис. Вследствие его коммунисты и социал-демократы и пришли к власти в Будапеште. Причём, как уже было сказано, они получили её мирным путём. После этого созданная ими единая Социалистическая партия объявила диктатуру пролетариата. Сама Венгрия была провозглашена социалистической советской республикой. И хотя здесь тоже был выдвинут лозунг мировой революции, реально венгерская Красная армия начала борьбу за возвращение утраченных и сохранение остававшихся ещё под властью Будапешта территорий. Это было время, когда, по словам одного венгерского журналиста, «коммунист встретился с националистом на общей почве защиты Отечества».

В этой борьбе и приняли участие русские добровольцы. В первых числах апреля 1919 года они отправились из казарм Келенфёльда через весь Будапешт на товарную станцию. В тот же день были погружены в вагоны и выехали на фронт. «Жители Будапешта из окон и балконов посылали нам приветствия и пожелание возвращения с победой», – вспоминал участник тех событий Р. Меллер.

Своё боевое крещение 1-й Русский и 2-й Русско-венгерский батальоны 1-го интернационального полка, в которых была сосредоточена основная масса выходцев из России, получили 16 апреля на румынском фронте. Полк был послан туда на укрепление демаркационной линии. Когда румыны перешли в наступление, Русскому и Русско-венгерскому батальонам пришлось прикрывать отступление других частей и быть арьергардом венгерской Красной армии.

После первых боёв полк и его батальоны были пополнены новыми добровольцами из русских и поляков. Командиром 1-го Русского батальона стал штаб-офицер царской армии Кирилл Каблуков. Ему было тогда всего 28 лет. Он командовал Русским батальоном до конца существования Красной армии Венгрии. Причём, по отзывам знавших его людей, командовал решительно и умело. После ликвидации Венгерской советской республики Каблуков смог вернуться в Россию, пережил Гражданскую войну и умер в Москве в 1923 году.

Политическим комиссаром батальона был Ефим Вайсброд. Когда он погиб, его место занял Р. Меллер. Первый комиссар происходил из купеческой среды, но ещё в гимназические годы он встал на путь революционера. После русской революции 1905 года жил в Вене. В 1918-м начал работать в российской миссии Красного Креста, занимавшейся отправкой на родину русских пленных. В Будапешт попал вместе с этой миссией в начале 1919-го.

Второй комиссар Русского батальона был рабочим-печатником. С 1904 года он жил в Австрии в качестве политического эмигранта. В Будапешт прибыл в мае 1919-го вместе с той же миссией Красного Креста. После поражения Венгерской Коммуны опять эмигрировал в Австрию. В 1920-м вернулся в Россию и был занят на руководящей хозяйственной работе.

В последнее время существования Русского батальона его комиссаром был большевик Савелий Рувимский (Ладыженский).

* * *

Русские солдаты идут вступать в Красную армию Венгрии. 1919 г.

В конце апреля 1919 года в составе 1-го интернационального полка русские вновь участвовали в боях с румынскими войсками. Бои шли в районе железнодорожного узла Пюшпекладань, что между городами Дебрецен и Сольнок. Они были ещё более тяжёлыми, чем первые. Здесь полк потерял значительную часть своего состава и был отведён в город Цеглед. Когда пришло новое пополнение, полк, в котором служили русские и говорившие по-русски венгры, был переформирован. Его включили в 80-ю интернациональную бригаду. В её составе он принял участие в знаменитом Северном походе венгерской Красной армии в Словакию. Одной из главных целей этого похода была попытка соединиться с Красной армией Украины.

В Словакии «русскоговорящий» полк участвовал в боях за город Лошонц (ныне словацкий город Лученец). В этих боях особо отличился Русский батальон. В сообщении командования 80-й бригады говорилось: «Особого признания заслуживают 2-я рота и русский батальон, смело штурмовавшие мосты под артиллерийским огнём противника во время наступления на Вилке и Паньидароц». В другом донесении сказано: «Стоит похвалить в знак признания русский батальон... (который) с 29 мая 1919 года в течение непрерывных боёв сломил сильное сопротивление противника. В секторе Ноградсакал и Альшо Стрегова, несмотря на свои тяжёлые потери и на преимущество сил противника, успел продвинуться в намеченном направлении».

Бои в направлении на Зайом, которые пришлось

вести русским против чехословацкой армии, действительно оказались тяжёлыми. К 4 июня в Русском батальоне осталось только 200 бойцов. Первоначальная же его численность составляла 742 человека...

Хотя чешская армия отступала, возврат прежних венгерских территорий и создание на них Словацкой советской республики с центром в городе Кошице давались дорого. Вот одно из сообщений будапештской «Правды» за июнь 1919-го: «...Товарищи красноармейцы 3-й роты Рудник, Прокопенко и Вдовин убиты в бою; товарищи Мошонкин Иван, Кухта, Шукета, Мещук, Клавдиус, Дзюба, Лебедингер, Маслов и Турукин попали в чешский плен, причём они тут же были чехами убиты; тов. Т. Ананьев остался в плену раненым, возможно, что его миновала судьба остальных товарищей, и, наконец, тов. той же роты Кодубенко пропал без вести».

Необходимо было новое пополнение. В связи с этим командование Дьёрского военного округа издало приказ: «Выходцы из России товарищи Ефимов Григорий и Юцкельзон Исай уполномочены на территории Венгерской советской республики набирать среди всех бывших русских военнопленных и других лиц русской национальности добровольцев в русское воинское формирование».

Русские участники Венгерской Коммуны 1919 года:
В. Юстус, В. Урасов, Р. Меллер,
К. Каблуков, П. Коблов, К. Коваленко,
И. Крупинин, С. Кураевский

К тому времени существовало и ещё одно русское военное формирование. Это была рота, созданная Владимиром Юстусом для несения службы в Красной охране – подобии российских войск ВЧК. Эта рота то-

Б. Лаптев, И. Макаревич, В. Родионов,
Л. Табачников, С. Шнейдер, В. Тимофеев,
М. Швартин, А. Юстус

же приняла участие в войне с чехами, сражаясь за город Шалготарьян.

Самым обидным для русских добровольцев, как и для всей венгерской Красной армии, было то, что жертвы похода в Словакию оказались напрасными. После предупреждения Венгрии со стороны стран-победительниц в Первой мировой войне венгерские войска с территории Словакии были выведены.

Многие в Венгрии надеялись, что на помощь придёт русская или украинская Красная Армия. Тогда её здесь ждали не только коммунисты, но и значительная часть венгерского населения в целом. Если в 1914-1918 годах русские войска воспринимались как исключительно враждебная сила, то теперь отношение к ним изменилось. Страны Антанты – в первую очередь Франция и Англия – и примкнувшая к ним Румыния поставили Венгрию в слишком унизительное положение. Надежда, что венгры добьются более справедливых условий мира с помощью Америки, не оправдались. Единственной надеждой оставалась Россия, ставшая к тому времени советской. Поэтому в Венгрии русскую Красную Армию тогда ждали как спасительницу от диктата Антанты и агрессии Румынии. По словам очевидцев, на митингах в Будапеште тогда часто были слышны возгласы: «Да здравствует Россия!», «Да здравствует Ленин!»

Однако ситуация на фронтах Гражданской войны в России в то время была слишком сложной. Пройти через Западную Украину и Карпаты без боёв было невозможно. Сил на это не имелось, но между Советской Россией и Советской Венгрией попытались наладить

постоянную связь. Не только телеграфную, но ещё и авиационную. Кремль поручил это наркому по военным и морским делам Украины Подвойскому. По его указанию был создан специальный авиаотряд из опытных лётчиков. Полёты осуществлялись с центрального аэродрома города Проскурова (ныне Хмельницкий). Одновременно для полётов готовился и аэродром в Виннице. Отсюда 9 апреля 1919 года и состоялся первый перелёт из Советской России в Советскую Венгрию. Его совершил инструктор Киевской авиационной школы Ходорович. Учитывая уровень авиационной техники той поры и 600-километровый беспосадочный путь, перелёт был делом непростым. Но Ходорович благополучно добрался до Будапешта. Он привёз сюда литературу, другие различные материалы и шифр радиосвязи для общения Будапешта с Москвой. После возвращения через 11 дней в Винницу пилот Ходорович был награждён орденом Красного Знамени – высшей советской наградой того времени.

Связь между двумя «красными столицами» осуществлялась и с помощью сухопутных курьеров. Среди них был и один из руководителей русских интернационалистов в Венгрии Урасов. По поручению Белы Куна он ездил в Москву к Ленину.

Идея соединения армии Советской Венгрии с Вооружёнными силами Советской России на практике оказалась невыполнима. Всё, чем Москва смогла помочь «красному» Будапешту, – это начать наступление 3-й Украинской армии на Бессарабию (территория нынешней Молдовы). Из-за этого Румыния вынуждена была снять часть своих сил с венгерского фронта и прекратить здесь активные действия.

Лидеры Венгерской Коммуны расценили такую передышку как шанс для собственного наступления. Для Венгерской советской республики оно стало роковым.

Наступление Красной армии венгров на румын началось 20 июля 1919 года. Как обычно, батальоны, в которых служили русские и другие интернационалисты, были впереди. Они переправились через реку Тису в районе города Тисафюред и заставили румын отступить. За ними следовали другие венгерские части. Но в силу неподготовленности и, как утверждают некоторые исследователи, предательства венгерского командования общее наступление провалилось. Красноармейцев прижали к реке. Дело дошло до рукопашной.

Русский батальон прикрывал отступление всей армии и перевозку на другой берег раненых. Чтобы удержаться, русские переходили в штыковую контратаку. Многие из них в том бою на берегу Тисы погибли. Часть русских добровольцев попала в румынский плен.

После поражения от румын на Тисе венгерская Красная армия начала распадаться. 1 августа коммунистическое правительство Венгрии, следуя европейской традиции, ушло в отставку как не справившееся со своей задачей. Венгерская Коммуна перестала существовать. В Венгрии начались преследования коммунистов и сочувствующих советской власти.

Судьба же Русского батальона была такова. Его оставшаяся часть вернулась в Будапешт. Руководил этим переходом Владимир Юстус. В то время он был организатором и политическим уполномоченным всех интернациональных отрядов венгерской Красной армии. По его указанию оружие Русского батальона было роздано рабочим Чепеля – главного промышленного района венгерской столицы. Юстус не хотел отдавать его румынам. Их армия уже приближалась к Будапешту и должна была разоружить остатки Красной армии Венгрии.

Самого Юстуса уже разыскивала венгерская жандармерия. Он бежал из Венгрии и в следующем году вернулся в Россию. Часть бойцов Русского батальона последовала его примеру. Другие остались и либо попали в тюрьму, либо были интернированы. В 1921–1922 годах эти русские были обменены вместе с венгерскими коммунистами на арестованных в Советской России венгерских офицеров.

ВЕНГРЫ И «РУССКИЙ КОММУНИЗМ»

Несмотря на все пояснения в начале предыдущей главы, факт существования Венгерской советской республики и участие в её интернациональных формированиях россиян может быть истолкован как пример первой в XX веке попытки русских вмешаться во внутренние дела Венгрии. Как первый пример экспорта сюда и вообще в Европу «русской революции» и «русского коммунизма». В общественном сознании Европы всегда возникал соблазн свести весь феномен международного коммунистического движения 1910–1920-х годов исключительно к «русскому национальному фактору» или к заговору «мирового сионизма». Здесь традиционно принято говорить о «русской революции» и «русском коммунизме». Не обошло это стороной и Венгрию. В 1990-х годах, после смены политического режима, многие беды венгерского народа в XX веке некоторые силы стали сваливать исключительно на «русский коммунизм». Отдельные политики, исследователи и публицисты постарались представить исторически интернациональное по своей сути коммунистическое движение сугубо национальным русским явлением. При этом забываются факты положительного отношения к социалистическим и коммунистическим идеям широких венгерских слоёв и во время русских революций 1905-го и 1917 годов, и в период венгерских революций 1918–1919-го.

Справедливости ради надо сказать, что большую роль в закреплении такой точки зрения сыграли сами же политические лидеры и историки России советского времени. Начиная с конца 1930-х годов в Советском Союзе – в силу чисто политических причин – укрепилась национальная концепция большевистской революции. А между тем победить этой революции и коммунизму в России помогли представители самых разных государств и национальностей. И первыми среди них были венгры. Они помогли «русской революции» больше, чем представители любых других народов. Речь идёт о тех венграх, которые во время Первой мировой войны оказались военнопленными в России.

Касаясь данной темы, я не преследую цель сделать виновниками большевистского эксперимента в Рос-

сии венгров. Мне просто хочется показать, что в исторических судьбах мадьяр и русских намного больше общего, чем это может показаться с первого взгляда. Эта общность нашей истории и объясняет необычайно широкое развитие Русского мира Венгрии в XX веке.

Активная помощь венгерских военнопленных торжеству в России коммунизма, безусловно, имела свою логику. Наверняка какая-то часть мадьяр приняла участие в русской революции, чтобы уничтожить ненавистную им Российскую империю. Тем более что одним из главных лозунгов большевиков был призыв к ликвидации существовавших многонациональных государств («право наций на самоопределение»). С одной стороны, желание части мадьяр уничтожить Россию как империю могло быть продиктовано извечным страхом европейцев перед «восточным колоссом». С другой – местью за помощь Русской Армии австрийцам во время венгерской революции 1848–1849 годов. К тому же это мог быть способ борьбы с опасным для венгерского народа панславизмом.

Не исключено и то, что некоторые пленные мадьяры увидели в русской революции способ улучшить своё личное положение и сделать карьеру при новой русской власти. А многие, возможно, искренне поверили в построение таким путём более справедливого общества для всех. В том числе и для самих венгров. Сначала в России, а потом у себя в Венгрии. Нам же эти люди интересны ещё и потому, что, вернувшись впоследствии в Венгрию, они и их семьи составили часть того разнообразного Русского мира, о котором и рассказывает эта книга.

КРАСНЫЕ МАДЬЯРЫ

То, что русская революция 1917 года, названная большевиками Великим Октябрём, была не такой уж и русской, сегодня в России известно многим. Версии о том, что её планировали в основном не русские люди и не на русские деньги, в массовом сознании россиян присутствуют. Но до сих пор в тени остаётся тот факт, что и защищали власть большевиков в революционной России поначалу в основном иностранцы. Во всяком случае, их роль была не меньшей, чем роль самих русских. И, как только что было сказано, первыми среди тех иностранцев оказались как раз венгры.

* * *

Во время мировой войны 1914–1918 годов на территории Российской империи находилось около 5 миллионов иностранных подданных. Почти половину из них составляли военнопленные. В плену у русских были от 167 до 190 тысяч солдат и офицеров германской армии и 2 миллиона 110 тысяч – австро-венгерской. Согласно другим данным, численность последних доходила до одного миллиона девятисот тысяч человек. Однако в любом случае пленных из Австро-Венгрии в России оказалось, как минимум, в 10 раз больше, чем из Германии.

Кроме австрийцев и венгров, в австро-венгерской армии служили представители других народов Центральной Европы. В том числе украинцы и русины. То есть выходцы с территорий Червонной и Угорской Руси, которых в самой России официально было принято считать русскими. В процентном соотношении картина выглядела так: 25% австрийцев, 23% венгров, 17% чехов и словаков, 11% сербов, хорватов и словенцев, 8% поляков, 8% русинов и украинцев, 7% румын, 1% итальянцев.

Как видим, доля венгров равнялась примерно четверти всей австро-венгерской армии. Примерно такой же оказалась их доля и среди военнопленных Австро-Венгрии в России (24–26%). В абсолютных цифрах – это свыше полумиллиона (непосредственно австрийцев в русском плену находилось около 450 тысяч человек). Есть данные, что на конец 1917 года численность венгров на российской территории достигала даже почти 700 тысяч. Но, так или иначе, бесспорно, что в русском плену венгры составляли самую многочисленную национальную группу. Однако ещё более многочисленной – относительно всех других групп – она оказалась в революционном движении интернационалистов.

Похоже, что в критический период 1918 года Ленин и его соратники сделали ставку именно на интернационалистов, а не на русских рабочих и крестьян. Во-первых, русский человек долго раскачивается, а революционный захват страны и её защиту нужно было осуществить как можно быстрее. Во-вторых, русские устали от войны и, распропагандированные теми же большевиками, уходили с фронта домой, не собираясь больше ни с кем воевать. Тем более что в деревне делили помещичью землю. В-третьих, русский человек, как говорил Ленин, «добер». Эта доброта русских к «классовым врагам» и к матушке-России очень Ильича раздражала.

Известно, что Ленин рассматривал Россию как спичку, которая должна была разжечь пожар мировой революции. Настоящий социализм должны были строить в Германии или Швейцарии. И вообще – в Европе, а не в отсталой России. Но присутствие в последней большого числа военнопленных оказалось идеальной возможностью для начала мировой социалистической революции именно здесь. В марте 1919 года на VIII съезде РКП(б) Ленин скажет, что вовлечение иностранных военнопленных в русскую революцию и Гражданскую войну составило «одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии». И это была правда. Та правда, которую в самой России впоследствии старались умалчивать или, по крайней мере, не выпячивать.

Что касается пленных венгров, то некоторые из них приняли участие уже в штурме Зимнего дворца в Петрограде и аресте Временного правительства. Ещё больше мадьяр боролось за захват большевиками власти в Москве в ноябре 1917-го. Так, в московской Красной гвардии находился отряд венгров под командованием Фридьеша Карикаша. На помощь московским красногвардейцам и интернационалистам из Иваново-Вознесенска пришёл отряд венгерских военнопленных во главе с Ференцем Янчиком. Ещё один отряд венгров прибыл из Серпухова. Им командовал прапорщик-гусар Шандор Холлендер. Венгры

приняли участие в штурме Кремля, где засели русские юнкера, выражавшие свою поддержку свергнутому в Петрограде Временному правительству.

Революционная активность мадьяр в России не ограничилась её столицами. Они помогали большевикам захватывать власть по всей огромной стране – практически везде, где были размещены в лагерях или на работах в конце 1917 – начале 1918 года. Венгерские военнопленные участвовали в вооружённых восстаниях большевиков примерно в 40 российских городах. Причём зачастую именно венгры были той основной силой, которая позволяла коммунистам и их сторонникам добиваться успеха. Особенно это проявилось на Волге, в Сибири и на Дальнем Востоке. Например, в Пензе отряд венгров под командованием Дьюлы Варги был создан уже в первые дни революции и принял в ней самое активное участие.

Красный мадьяр Ференц Мюнних

После победы в обеих столицах захватить власть в России большевикам удалось относительно легко. Гораздо труднее было её удержать. Наступление немцев в феврале 1918 года в Прибалтике показало полную несостоятельность красногвардейцев в бою против регулярных войск. И это при том, что своё наступление немцы вели небольшими сводными отрядами. В их состав входили добровольцы, набранные из различных частей германской армии. Красногвардейцы и остатки развалившейся к тому времени Русской Армии отступили от Ревеля (Таллина) до Нарвы.

«Героическая защита» Нарвы и рождение в боях под этим городом Красной Армии – миф, который до сих пор присутствует в исторической литературе России, не говоря об общественном сознании. В действительности даже прибывший под Нарву эшелон балтийских моряков во главе с наркомом по военным и морским делам (то есть военно-морским министром) Петром Дыбенко в боевом отношении оказался никчёмным. При первом же столкновении с немцами отряд Дыбенко погрузился в поезд и вместе со своим командующим отступил в ближайший на восток от Нарвы город Ямбург (ныне Кингисепп Ленинградской области). Деморализация революционных войск была так велика, что, не сделав попытки закрепиться в Ямбурге, Дыбенко и все подчинённые ему как наркому войска, взорвав в этом городе мост через реку Лугу, начали поспешное отступление дальше на восток.

Революционные матросы считались ещё более главной военной опорой ленинского правительства, чем Красная гвардия. Но их бегство возглавил сам нарком по военным и морским делам (во время знаменитых сталинских процессов 1930-х годов этот факт будет использован в качестве одного из основных обвинений в адрес Дыбенко, которого суд приговорит к расстрелу; в 1918-м бежавший с фронта нарком отделался только исключением из партии).

Защищать Красный Питер от немцев оказалось некому. Видя это, Англия высадила 2 тысячи своих солдат в Мурманске. Целью этого десанта было не дать немцам захватить русскую столицу и не позволить им принудить Россию к капитуляции в Первой мировой войне. Несмотря на большевистскую революцию, Россия попрежнему всё ещё считалась союзницей Антанты. Кстати сказать, высадку английского десанта руководство партии большевиков восприняло положительно. Затем оно подписало с немцами в Брест-Литовске мир. Демаркационная линия, разделяющая владения Германии и России, была установлена на полпути между Нарвой и Ямбургом, откуда бежали красногвардейцы и матросы. Однако из-за страха перед новым немецким наступлением и отсутствия надёжных боеспособных частей в марте 1918-го правительство Ленина покинуло Петроград и перебралось в Москву. Таким образом, Москва вновь стала официальной столицей России. Но всей проблемы защиты «завоеваний Великого Октября» это, конечно, не решало.

Бегство революционных моряков и красногвардейцев показало, что большевикам нужна новая боеспособная армия. Их надежды на то, что во всех воюющих странах Европы со дня на день должна произойти социалистическая революция, не подтвердились. Окончательно стало ясно, что проект создания своей революционной армии на основе Красной гвардии тоже нереален. Интересно, что согласно этому проекту, в новой армии Республики Советов должны были служить только промышленные рабочие. Участие в ней крестьян, составлявших в то время основную массу населения России, не предполагалось. Это была очередная большевистская утопия, от которой Ленину и его партии пришлось отказаться. А ведь планировалось создать 10 корпусов Красной гвардии численностью 300 тысяч человек.

Оставался ещё проект создания «всенародной милиционной армии». Большинство членов руководства большевиков ещё до февральского наступления немцев остановилось на нём. Вожаки компартии России, начиная с Ленина, считали, что время профессиональных и постоянных армий прошло. В преамбуле декрета о создаваемой ими революционной армии говорилось: речь идёт о замене «постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем». Эта очередная утопическая идея вытекала из учения Маркса. Но практика показала, что реальная жизнь государства идёт по другим законам. И большевикам вскоре пришлось это признать.

Декрет о создании Красной Армии вышел ещё в конце января 1918 года. Он гласил: «В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма». Таким образом, новая армия России должна была формироваться на добровольческой основе. Но уставшие от войны россияне вступать в неё не спешили. Тем более что за пару месяцев до того был декрет о мире и фактическом роспуске существовавшей прежде Русской Армии

(в советское время её традиционно называли царской). Этого же требовали и условия Брестского мира. Вот тогда-то правительство Ленина и решило сделать ставку на интернационалистов. То есть на военнопленных иностранных армий, с которыми Россия воевала во время Первой мировой войны. Благо они – и в первую очередь венгры – хорошо проявили себя в период Октябрьской революции.

Уже существовавшие в стране отряды интернационалистов стали переформировывать в роты, батальоны и полки и вливать их в состав создаваемой Красной Армии Советской России. Реально новая русская армия в значительной степени была похожа на армию иностранных наёмников. Особенно в первые месяцы своего существования. Больше всех среди красноармейцев-иностранцев оказалось венгров. В октябре 1917 – мае 1918 года в различных вооружённых формированиях Советской России находилось порядка 85 тысяч мадьяр. Это огромное количество, если учесть, что к концу апреля 1918-го вся Красная Армия насчитывала всего около 200 тысяч человек. Возвратившийся чуть позже в Венгрию из русского плена прапорщик Пал Сагмейстер в своём отчёте писал: «Русские социальные идеи нашли чрезвычайно плодотворную почву среди наших солдат, особенно тех, которые работали в городах, на заводах».

Набор в российскую Красную Армию иностранцев вызвал протест со стороны Германии. В ответ правительство Советской России (Совнарком) сделало весьма ловкий юридический ход. Оно издало постановление, согласно которому вступающие в российскую Красную Армию иностранцы автоматически принимали советское гражданство. Таким образом, десятки тысяч мадьяр-красноармейцев стали гражданами Советской России. При этом многие из них русского языка не знали. Но большой проблемой это для них не было. Как правило, в различных частях Красной Армии РСФСР венгры служили вместе со своими соотечественниками. Обучение красных командиров венгерской национальности в крупных городах России шло на венгерском языке. Так, например, было на пехотных командных курсах в Ташкенте.

Мадьяры находились не только в составе Красной Армии. Много их служило в войсках ВЧК, в пограничной и внутренней охране. Немало – и в военизированных продотрядах, занимавшихся изъятием продовольствия у российских крестьян. Например, даже в начале 1920 года в Томске венгры составляли подавляющее большинство среди бойцов батальона ВЧК.

Венгры были и среди помощников и заместителей руководителя Всероссийской чрезвычайной комиссии Феликса Дзержинского. Они же стояли у истоков создания в РСФСР пограничных войск. Всё это только подчёркивает огромную роль мадьяр в становлении и защите первого в мире советского коммунистического государства.

Именно венгры, а не латыши были главной опорой правительства Ленина. В лучшие времена красных латышских стрелков было всего около 18 тысяч человек. А красных венгров в русской революции и Гражданской войне – свыше 100 тысяч!

Миф о решающей роли в Октябрьской революции и Гражданской войне красных латышских стрелков был специально запущен в советское время в историческую литературу и кинематограф. (Для примера стоит полистать книгу воспоминаний Малкова «Записки коменданта Кремля». Если верить автору, то из всех нерусских народов только латыши и спасли в 1918-м правительство Ленина от падения. Они же якобы выступили основной интернациональной силой против врагов Советской власти в Гражданской войне.) Создан этот миф был для того, чтобы приход к власти большевиков выглядел более патриотичным и не носил столь явно иностранного характера.

В Кремле Ленина охраняли не только латыши, но и венгры. Характерный пример: когда в июле 1918 года выступившие против политики большевиков эсеры попытались захватить власть в Москве, ленинское правительство обратилось за помощью к руководителю «московской мадьярской группы» Беле Куну. Тот поднял против эсеров слушателей школы венгерских агитаторов, которая находилась непосредственно в Кремле. Агитаторы объединились с находившимися там латышскими стрелками и пошли отбивать у мятежных эсеров здание Главного почтамта. Латышей в этом деле было не более 30 (взвод), венгров – свыше 70...

Причисление мадьяр и других иностранцев к латышам практиковалось уже в то время. Понятно, что это делалось специально, чтобы лишний раз не раздражать русское население. Латыши всё-таки были подданными Российской империи, а венгры – явными иностранцами. Вероятно, поэтому значительная часть венгров служила в составе самих латышских полков. Таким образом, с формальной точки зрения, они тоже как бы становились «латышами».

Известно, что в 1918-м семью русского царя Николая Второго в Екатеринбурге охраняли как раз «латыши». Вместе с русскими они участвовали в расстреле царской семьи. Правда, были ли и среди тех «латышей» венгры, до конца не ясно. Но интересно, что в 1990-х годах в самой Венгрии прошла информация, что среди убийц семьи русского царя был не кто иной, как лидер венгерского восстания 1956 года Имре Надь. Однако и без того факт выдающейся роли мадьяр в русской революции бесспорен.

Иностранцы нужны были большевикам не только для превращения русской революции в мировую. Они оказались необходимы для того, чтобы помочь Ленину удержаться в 1918 году у власти в России. И они ему помогли не меньше, чем сами русские. Поэтому прав был Пётр Струве, когда писал в своём «Дневнике политика»: «Сидящий в Москве коммунизм есть, конечно, величайший враг культуры, подлинный зверь "из бездны", но в нём слышится не только и не столько русская старина, сколько ядовитая европейская новизна, dernier cri (последний крик моды – *В. А.*) самой Европы. И русский коммунизм может сказать Европе: вашим добром, да вам челом!»

Он потом и сказал, когда то, что помогли сделать Ленину в России европейцы, было перенесено после Второй мировой войны в Европу. В том числе в Венг-

рию. В общей массе иностранцев, вставших во время Гражданской войны в России на защиту Советской власти, в первых рядах были венгры. Всего на стороне большевиков воевало около 200 тысяч интернационалистов, и более половины их оказались мадьярами.

Таким образом, процент участия венгров в русской революции превосходил долю любых других иностранцев. И это при том, что венгры – далеко не самый большой по численности народ Европы.

Символично, что на родине Ленина – в Симбирске – в подавлении мятежа, который в 1918 году поднял командующий Восточным фронтом эсер Муравьёв, тоже участвовали венгры. Это был отряд красных мадьяр Белы Райса.

В Москве была не только венгерская школа агитаторов. Там находилась и венгерская школа командиров для российской Красной Армии. Позднее её перевели в Баку, а затем в Петроград. Мало того, из лучших учеников этой школы была создана Высшая школа Красной Армии РСФСР. Уже одно это говорит о важной роли мадьяр в Вооружённых силах Советской России в период становления этого государства.

Лайош Гавро – «венгерский Чапаев»

В истории Гражданской войны в России осталось немало красных командиров-венгров: Дьюла Андраш Варга, Ференц Патаки, Лайош Виннерман, Фридьеш Карикаш, Ференц Мюнних (будущий премьер-министр Венгерской Народной Республики), Бела Франкель, больше известный под псевдонимом Матэ Залка (он же генерал Лукач – в 1936-м в Испании). Одним из самых известных красных венгров в России являлся Лайош Гавро. В период Гражданской войны он дважды был удостоен ордена Боевого Красного Знамени – высшей воинской награды Российской Советской Республики. Лайоша Гавро в России называли «венгерским Чапаевым».

Чтобы более полно оценить роль венгров в окончательной победе большевиков, следует иметь в виду, что они воевали под началом всех известных командиров и полководцев Гражданской войны. В составе 1-й Симбирской Железной дивизии Гая воевал 1-й интернациональный полк Дьюлы Андраша Варги. В 3-й армии Берзина с врагами большевиков бился Интернациональный батальон Ференца Мюнниха. В 25-й Чапаевской дивизии – 1-й Московский интернациональный полк Лайоша Виннермана (только в одной дивизии Чапаева венгров было свыше двух тысяч). Венгры были и в составе 2-й и 5-й армий, бравших в разное время Казань и другие города Поволжья. Мадьяры воевали и в Сводном Уральском отряде Блюхера. В составе партизанского соединения Щетинина находился отряд мадьяр под командованием Матэ Залки. В составе Забайкальского фронта Сергея Лазо – 1-й Читинский интернациональный отряд Йожефа Лани.

Говоря об интернационалистах, следует иметь в виду два момента. Во-первых, как и термин «латыши», название «интернациональный» скрывает конкретные национальности бойцов, входящих в состав упомянутых полков и отрядов. Но в подавляющем большинстве этих интернациональных отрядов были именно венгры. Во-вторых, то, что венгры были первыми и самыми активными добровольцами при формировании интернациональных отрядов в различных частях России, свидетельствует цифровое обозначение полков – «1-й». Как говорится, в худшем случае, – «2-й».

Венгры служили и под началом «главного кавалериста» Советской страны, командующего 1-й Конной армией Семёна Будённого. Мадьяры воевали у него ещё тогда, когда он был командиром конной бригады. Она создавалась в 1918-м, во время боёв под Царицыным (Сталинград-Волгоград). Затем бригада выросла в дивизию, потом – в корпус и уж после этого превратилась в армию. Вот как писал впоследствии Будённый о венграх: «Нам пришлось вступить в борьбу с опытной казачьей конницей, следовательно, нужно было создать такую конницу, которая бы превосходила казачью. Таким образом, присутствие венгерских кавалеристов явилось для нас большой находкой. Они и другие бойцы-интернационалисты не случайно находились у нас на привилегированном положении. Из венгров, чехов, словаков, сербов и лучших русских бойцов я создал образцовый кавалерийский дивизион во главе с прославленным Олеко Дундичем. Этот дивизион был моей опорой, личной охраной, он был готов умереть ради победы...»

Роль венгров в победе русского коммунизма была особенно велика на первом этапе его существования. Это ярко проявилось в 1918 году, когда в результате разгона Учредительного собрания России, позорного для русских Брестского мира, коммунистических экспериментов в экономике и социальной сфере против власти большевиков выступили различные силы «белых». Войска генерала Краснова подошли к Царицыну и отрезали Центральную Россию от хлебных областей Северного Кавказа. Казаки атамана Дутова захватили Оренбург. Белая Добровольческая армия генерала Деникина свергала Советскую власть на Дону и Кубани. В различных районах страны начались крестьянские мятежи и восстания. И везде против всех антибольшевистских сил одними из первых выступали красные мадьяры.

В июне 1918 под Царицыным был сформирован и выступил на защиту власти большевиков 1-й интернациональный батальон из 1600 бойцов под командованием Дьюлы Никли. Там же в борьбе против войск генерала Краснова участвовал 2-й интернациональный полк дивизии Киквидзе, где тоже было много венгров.

Когда антибольшевистские силы перерезали железнодорожное сообщение между Царицыным и Северным Кавказом, выросло значение речного пути по Волге и стоящей в её устье Астрахани. Туда шли ре-

зервы и грузы для красных войск Кавказа. В Астрахани было сформировано ещё одно воинское подразделение из венгров – интернациональный батальон Лайоша Гавро. Эти венгры воевали как в самой Астрахани, так и на территории нынешней Чечни и Дагестана. Позднее батальон Гавро стал называться Особым. Даже после кровопролитных боёв и переформирования 80 процентов его состава были мадьярами.

Заметный след в период Гражданской войны венгры оставили в Туркестане. Этот огромный регион включал в себя территории нынешнего Казахстана и Среднеазиатских республик. Находившиеся здесь в плену мадьяры выступили на стороне большевиков уже в конце октября 1917-го, когда разоружали сторонников Временного правительства. Среди туркестанских коммунистов больше всего оказалось именно венгров. К середине 1918-го численность красноармейских войск Туркестана насчитывала около 12 тысяч человек. 2200 из них являлись интернационалистами. В основном это также были мадьяры.

Весной 1918 года борьбу с Добровольческой армией генерала Деникина вела красная Таманская армия. Когда в Екатеринодаре был сформирован очередной интернациональный полк, 90 процентов его бойцов составили венгры и австрийцы. Полностью из венгров состояла 6-я рота Ейского стрелкового полка Таманской армии.

Мадьяры сыграли значительную роль в борьбе против Чехословацкого корпуса. Он состоял из 45 тысяч военнопленных славян австро-венгерской армии. По соглашению с Верховным советом Антанты ленинское правительство согласилось отправить корпус в Европу, на Западный фронт, против немцев. Выехать из России Чехословацкий корпус должен был морем, через Владивосток. Бойцы корпуса отправлялись туда из европейской части России железнодорожными эшелонами. При этом они были вооружены. Когда первые поезда с чехословаками были уже на Дальнем Востоке, а последние ещё в районе Волги, большевики посчитали, что оружия у пленных слишком много, и решили этот «излишек» отобрать. Чехословаки воспротивились. Между ними и местными советскими властями начались вооружённые столкновения. В скором времени на всём протяжении железной дороги от Волги до Тихого океана Советская власть была свергнута. Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток почти полностью перешли под власть военного командования корпуса и целого ряда правительств, образованных оппозиционными большевикам партиями. При них стали формироваться свои белые армии. Вот тогда-то привлечение большевиками на свою сторону интернационалистов оказалось весьма кстати.

Уже через два дня после начала вооружённого выступления Чехословацкого корпуса на Урале, у Златоуста, против него сражалась венгеро-немецкая рота численностью 400 человек. Ещё 300 мадьяр участвовали в боях между Челябинском и Екатеринбургом в составе 2-го Уральского полка. Мадьяры выступили против чехов и словаков и в поволжских городах. Например, в Самаре и Пензе. Они составили значительную часть бойцов советских отрядов в Сибири. Так, одним из них, где было несколько сот мадьяр, командовал венгр Карой Лигети.

Вероятно, в этой борьбе мадьяр со словаками и чехами сказывались не столько классовые интересы, сколько национальные противоречия между венграми и славянами Австро-Венгерской империи. Но как бы там ни было, в конкретных условиях того времени использование венгерских интернационалистов против чехословаков принесло России и определённую пользу. Вместе с русскими красные мадьяры не дали восставшему Чехословацкому корпусу вывести из России все награбленные «братьями-славянами» в этой стране материальные богатства. Достаточно сказать, что в руки чехословаков попал эшелон с частью государственного запаса России. В нём находились ценности на сумму 650 миллионов золотых рублей. Значительную часть этих огромных по тем временам средств чехословаки сумели вывести из России. Есть данные, что именно эти украденные у российского народа деньги стали основой золотовалютных запасов Национального банка созданного по окончании Первой мировой войны Чехословацкого государства.

В критическом для большевиков 1918-м венгры выступили на защиту Советской власти и на Дальнем Востоке. Они воевали там и против чехословаков, и против атамана Семёнова. Причём, по свидетельству современника, в боях за дело Ленина венгерские части были «самыми страшными».

В Сибири, на Дальнем Востоке, в Туркестане и в других районах огромной России подтверждалась и правота донесений, которые поступили к середине 1918 года в военное министерство в то время ещё существовавшей Австро-Венгрии. В них говорилось: «В интернациональных частях советских Вооружённых сил поразительно высок процент венгров из бывших военнопленных». Например, летом того же года на берегу Амударьи в районе города Чарджоу произошло крупное сражение советских войск с антибольшевистскими силами Ашхабадского правительства. Из 6 тысяч бойцов Красной Армии, принимавших участие в сражении, более 1 тысячи были венграми. Около 6 тысяч красноармейцев находилось весной 1919 года на Закаспийском фронте. Две трети их составляли интернационалисты. Самой большой группой среди них, конечно, тоже были мадьяры.

Доля красных мадьяр среди всех интернационалистов Красной Армии РСФСР летом 1918 года колебалась между 40 и 60 процентами. Это было значительно больше доли россиян, воевавших в составе Красной армии Советской Венгрии в 1919-м. Численность той армии доходила до 150 тысяч человек. Интернационалистов в ней было 10 тысяч. Среди них выходцев из России – только 1500. А в русской Красной Армии венгров было свыше 100 тысяч.

В отрядах интернационалистов в Сибири венгры были в подавляющем большинстве. Вот что писал командующий Забайкальским фронтом Сергей Лазо о подчинённых ему войсках: «Хорошо дерутся интернационалисты. Среди них подавляющее большинство мадьяр (80–85%)... Все они – бывшие солдаты, с боевым опытом. В бою они стремительны, дерутся с тем-

пераментом. Преданы революции». Кстати, помощником начальника штаба Забайкальского фронта был венгр Дежё Фрид, член Центрального комитета интернационалистов Сибири.

Так что, как видим, мадьяр в Красной Армии Советской России находилось много. Причём для её врагов они были «самые страшные»...

Боевые качества красных мадьяр были известны и большевистскому руководству, и лично Ленину. Осенью 1918 года, после того как Ленин был ранен в результате покушения 31 августа, Железная дивизия Гая взяла Симбирск (Ульяновск). В боях за освобождение родины Ленина особо отличился 1-й интернациональный полк, командиром которого вскоре стал Дьюла Андраш Варга. Будучи ещё помощником командира, он с группой бойцов-мадьяр отбил у белых железнодорожный мост, до сих пор являющийся в этом городе единственной переправой через Волгу. Тем самым была обеспечена победа красноармейцев. Командование Железной дивизии послало Ленину телеграмму. В ней было сказано, что взятие Симбирска – это ответ на одну его рану и что ответом на другую станет Самара. Вождь это оценил, передав в ответ поздравление с победой. И в будущем он очень надеялся на красноармейцев-иностранцев. Особенно на венгров и немцев. Даже когда Красная Армия стала пополняться за счёт принудительных демобилизаций россиянами и её численность превысила 3 миллиона человек, Ленин телеграфировал председателю Сибирского ревкома: «Формирование немецко-венгерской дивизии из стойких и дисциплинированных элементов крайне целесообразно». Был февраль 1920-го, и в Омске, Томске и Красноярске шло формирование дивизии III Интернационала. Основную долю её бойцов составили венгры и немцы.

Ленин постоянно уделял особое внимание венгерским частям Красной Армии, интересуясь у военного командования, не имеют ли они в чём нужды. Венграм он доверял. Недаром они несли охрану в Кремле, как латыши, австрийцы и немцы.

К концу Гражданской войны в результате роста численности Красной Армии доля мадьяр в её составе значительно сократилась. Но несмотря на это роль венгров продолжала иметь важное значение для укрепления власти ленинского правительства.

Именно у венгров под арестом оказался главный враг большевиков в Сибири – адмирал Колчак. Как известно, он был объявлен Верховным правителем России и выполнял объединяющую роль в борьбе белых армий с большевиками. Арест венграми Колчака – после его первоначального ареста чехами – и последующий расстрел адмирала нанесли серьёзный удар по единству Белого движения.

Венгры отбили у белых и 13 вагонов с золотым запасом России. В апреле 1920 года по приказу правительства Ленина они отправили «золотой поезд» в Москву. От Ачинска до Казани его вооружённую охрану нёс полк имени III Интернационала. Подавляющее большинство бойцов этого полка были мадьярами. Командовал полком венгр Иштван Варга. Командиром одного из батальонов был Матэ Залка.

* * *

После окончания Гражданской войны часть «красных мадьяр» осталась в Советской России. К ним добавились венгерские коммунисты, принимавшие в 1919 году участие в создании Венгерской советской республики. Часть их смогла эмигрировать и вскоре прибыла в Советскую Россию. Другие же были арестованы в Венгрии правым правительством. Летом 1920-го здесь начался процесс над десятью народными комиссарами. В ответ правительство Ленина приказало интернировать в России одну тысячу венгерских офицеров. Десять из них были объявлены «заложниками за 10 бывших народных комиссаров». Среди этих заложников оказались венгерские графы Сеченьи и Каройи, родственник правителя Венгрии Миклоша Хорти майор Шольц и другие. В результате длительных переговоров был подписан договор, согласно которому арестованные в Венгрии коммунисты и наркомы обменивались на арестованных в России венгерских офицеров. Обмен проходил в течение 1921–1924 годов. Кроме 415 революционеров в Советскую Россию выезжали и члены их семей. Таким образом, численность «красных мадьяр» в России увеличилась.

Часть из них вернулась в Венгрию только после Второй мировой войны. Все «красные мадьяры» к тому времени хорошо говорили по-русски и, как правило, имели русских жён и детей. Это были те, кто уцелел после сталинских репрессий. Многие венгерские революционеры, сделавшие неплохую карьеру в России во время Гражданской войны и в 1920-е годы, во время Большого террора 1930-х были уничтожены. Те же, что выжили и вернулись назад в Венгрию, заняли здесь руководящие посты и пополнили собой и своими семьями её Русский мир. Но всё-таки приезжими из России он стал пополняться ещё в 1920-х.

РУССКИЕ ЖЁНЫ ВЕНГЕРСКИХ СОЛДАТ

По окончании Гражданской войны в России Русский мир Венгрии увеличился за счёт тех венгров, которые, побывав в русском плену, стали говорить и читать по-русски. Не все из них принимали активное участие в русской революции, и поэтому эти люди безбоязненно вернулись на свою родину. Правда, среди бывших военнопленных было немало и тех, кого считали красными. Но в Венгрии подавляющее их большинство предпочло быть простыми обывателями, а не революционерами.

Многие из бывших военнопленных и революционеров привезли с собой в Венгрию жён из России. Эти женщины впервые в XX веке существенно увеличили численность категории «русских жён». Некоторые из них прожили свыше 100 лет и встретили третье тысячелетие. В качестве примера можно назвать родившуюся в Сибири Лидию Даниловну, вышедшую замуж за бывшего военнопленного Гезу Селени. Он оказался фабрикантом, и до 1948 года, пока к власти в Венгрии не пришли коммунисты, эта русско-венгерская семья жила очень обеспеченно. После национализации у них осталась одна квартира в Будапеште, в XI

районе на улице Ладьманьоши. Лидия Даниловна намного пережила своего мужа и доживала свой век в одном из домов престарелых, где оказалась в одной комнате с дочерью русской эмигрантки из Югославии Лидией Станиславовной Драгановой (рассказ о семье Драгановых помещён в третьей части книги).

Русские жёны венгерских солдат были разными. Среди них хватало и простых крестьянок. Некоторые даже были неграмотными. Начав новую жизнь в Будапеште, который в Европе часто называли «малым Парижем», они продолжали оставаться простыми «русскими бабами». По-венгерски говорили слабо, других иностранных языков не знали, а в русском разговоре использовали обычную простонародную речь. Вместо принятых в венгерской столице дамских шляп всю жизнь носили обычные деревенские платки.

С. Н. Тимченко-Рубан. 1925 г.

Но были среди этой первой волны «русских жён» и представительницы высшего класса российского общества, с богатой родословной и семейными гербами. Революция настолько переломала и изменила их судьбы, что единственным выходом спасти себя и своих детей от гибели и унижений стал для них выход замуж за венгерских военнопленных. Одной из таких женщин была Софья Николаевна Тимченко-Рубан. В сегодняшнем Будапеште живут пятеро её русских внуков и множество правнуков и праправнуков, считающих себя уже венграми. А ещё за полгода до того, как начала писаться эта книга, оставался в живых и её единственный сын Владимир Мадьяри-Бек. Мне посчастливилось познакомиться с ним и записать его воспоминания. Впоследствии они были дополнены рассказами его дочери Ирины Легради, сына Владимира (Иштвана) и документами из архива их отца и матери. Знакомство с ними в очередной раз позволяет убедиться: интересных и примечательных русских людей, к тому же с богатой родословной, большевистская революция забросила не только в Париж и Францию, Берлин и Германию, Прагу и Чехию, но и в Будапешт и Венгрию.

И. Мадьяри – муж Тимченко-Рубан

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА СОЗДАТЕЛЯ СЛОВАРЕЙ

«Дорогой дедушка, я очень рад, что мы тебя нашли. Мы живём теперь в Будапеште, а через 3 или 4 недели поедем в деревню. <...> Дедушка, мне не нравится Будапешт, в Будапеште нет солнца, холодно и сыро и ветер. <...> Дедушка, я Стефана Павловича, II (второго – *В. А.*) папу, и люблю и не люблю, серединку. Я учусь с мамой каждый день 2 или полтора часа. Мне очень трудно учиться, потому что у нас нет учебников.

Я был со Стефан Павловичем в театре, где он играет, и видал там оперетку очень интересную про крестьянскую жизнь детей. Потом я был в Королевской Опере и видал там оперу «Маша и Ваня». Я всё понял, потому что я читал этот рассказ. Опера – очень большое и красивое здание, к нему можно подойти с 4-х улиц. Мама была там 2 раза и говорит, что в Петрограде Мариинский театр больше и лучше. Дедушка, наш адрес такой: Будапешт, улица по названию Петерфи-Шандор, дом № 28, 26 квартира. Фамилия Мадьяри. Я пишу по новой орфографии, так требовали большевики – иначе запрещали писать. Мама говорит, что ты будешь недоволен...

Целую тебя, мой дорогой дедушка, береги себя. Скоро увидимся.

Твой внук Володя Бек».

Это простое, но насыщенное исторической информацией детское письмо было написано в 1921-м или 1922 году. В то время Владимиру Беку было 10 или 11 лет. Дедушка, к которому обращается «внук Володя», – отец его матери Софьи Николаевны. Он тоже был одним из русских эмигрантов, только судьба забросила его в Белград, в Сербию. Это генерал Русской Армии Николай Тимченко-Рубан. Тот, который во время Первой мировой войны был послан императором Николаем II в Англию для переговоров о поставках в Россию английского оружия.

* * *

Семья Тимченко-Рубан всегда являлась семьёй военных. И только поэтому, а не за большие богатства была знакома русским царям. Эта семья происходила из потомственных дворян Харьковской губернии. Основной фамилией семьи считается Рубан. Она ведёт своё начало от запорожских казаков. Ещё в XVII–XVIII веках предки генерала Тимченко-Рубан, его дочери Софьи Николаевны и внука Владимира не раз посылались с различными поручениями к царскому двору. Один из них – Семён Рубан – был избран кошевым атаманом и стоял во главе всего Запорожского войска. В составе этого войска был и Рубановский конный полк. Атаманом Переяславского куреня являлся Иван Рубан. Известен и Прокоп Рубан, который раскрыл заговор запорожцев с татарами против малороссийских городов и доставил пленных заговорщиков к гетману Скоропадскому.

Владимир Бек. 1925 г.

Во времена Екатерины II известность получил Василий Рубан. Правда, он занимался научной деятельностью. Его портрет даже висел в Российской академии наук. В 1775 году Василий Рубан издал «Любопытный месяцеслов», в котором были помещены различные летоисчисления.

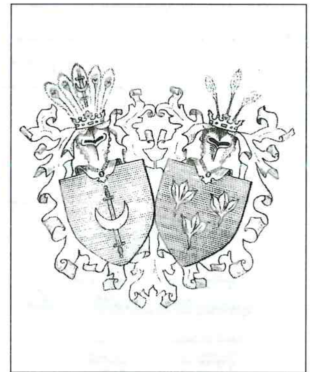
Первым помещиком в этом роду стал Мирон Рубан. Он получил огромное имение на Украине, размер которого составлял 50 верст в окружности. После Мирона имение постоянно дробилось между наследниками, и отец генерала Тимченко-Рубана, прадед будапештца Владимира Бека, получил «только» 200 десятин. Он продал их своему брату, и семья будущего генерала осталась безземельной. Главным источником её доходов была воинская служба «царю и Отечеству». Благодаря ей дед Владимира Бека нашёл себе жену и породнился с семьёй героя Крымской войны 1853–1856 годов и обороны Севастополя генерал-майора Владимира Ползикова (1818–1874).

Ползиковы были потомственными дворянами Тульской губернии. Их род – татарского происхождения. Из семейного предания следует, что в окружении царя Ивана Грозного находился огромного роста татарин по имени Зик. Сын же его был совсем невысоким, поэтому Грозный дал ему прозвище Ползика. Отсюда и появилась фамилия Ползиковы. В XIX столетии этот род перемешался с осевшими в России французскими эмигрантами. Бабушка Софьи Николаевны Тимченко-Рубан, поселившейся в 1920 году в Будапеште с сыном Володей (то есть прабабушка Владимира Бека по материнской линии), была француженкой. Но это не помешало двум её родным братьям стать крестниками российского императора Александра II (1855–1881). Они получили образование в Пажеском корпусе, а после служили в Лейб-гвардии Егерском полку. Участвовали в войне 1877–1878 годов с турками за освобождение Болгарии, после чего один из них был назначен состоять при болгарском князе.

К императору Александру II был близок и ставший мужем той самой француженки герой Крымской войны Владимир Ползиков. Он воспитывался в Дворянском полку и считался одним из лучших учеников. Поэтому его часто посылали в Зимний дворец играть с тогда ещё наследником цесаревичем Александром Николаевичем, чей отец Николай I в 1849 году послал Русскую Армию на подавление венгерского восстания. Там на зависть своим друзьям по Дворянскому полку и самому наследнику Владимир Ползиков показывал стойку на голове. Александр II вспомнил об этом много лет спустя. В своём приказе о награждении прадеда Владимира Бека Георгиевским крестом за оборону Севастополя он писал: «Любезный Ползиков, я отлично помню, как Ты в детстве, играя со мной во дворце, прекрасно мог стоять на голове. Был рад узнать, что Ты так же твёрдо можешь стоять головой за свою Родину. Награждаю Тебя орденом храбрых. Искренне Тебе благодарный Александр».

При обороне Севастополя Владимир Ползиков действительно «твёрдо стоял головой» за Родину и проявил себя талантливым военным инженером. Кстати, именно во время той обороны впервые в истории отечественных войн особо ярко проявилась значимость инженерных войск и создание ими военных укреплений.

В начале Крымской войны Владимир Ползиков был подполковником, а затем получил звание полковника и стал командиром 6-го сапёрного батальона. В первые недели обороны Севастополя от англо-французских войск (затем к ним присоединились войска Сардинского королевства) он был начальником штаба при контр-адмирале Истомине, командовавшем войсками на Малаховом кургане. Во время распоряжения там строительными работами Ползиков оказался сильно контужен, но остался в строю. Через два месяца под руководством Владимира Ползикова Малахов курган «был превращён в обширное сомкнутое укрепление». Затем Ползиков руководил всеми оборонительными работами на Инкерманланских и Мекензиевых высотах, участвовал в сражении на Чёрной речке. Там был вновь контужен и ранен в ногу. За оборону Севастополя наградами Владимира Ползикова, кроме Георгиевского креста, стали орден Святой Анны 2-й степени с Императорской короной и Святого Владимира 4-й степени с бантом.

Герб семьи Тимченко-Рубан

После Крымской войны, вследствие ранения, полковник Ползиков вынужден был оставить службу и поселился недалеко от Киева в имении Мостище. В 1870-х годах он стал предводителем дворянства Киевского уезда. В то время император Александр II приехал в Киев. Там он вновь и увиделся со своим приятелем детства, который так хорошо умел стоять на голове. Император сказал Ползикову, что опять хотел бы видеть его на военной службе, и назначил комендантом крепости Керчь. Это назначение и дало возможность соединиться роду Ползиковых с родом Тимченко-Рубан. На службу в Керчь оказался определён и Николай Иванович Тимченко-Рубан – тот самый будущий генерал и дедушка, которому писал письмо из Будапешта «внук Володя».

Николай Иванович женился на дочери генерала Ползикова Наталье Владимировне. Это произошло в 1886-м в Петербурге, через 11 лет после смерти героя обороны Севастополя. Как и тесть, Николай Тимченко-Рубан был военным инженером. Символично, что его венчание с дочерью генерала Ползикова проходило в церкви Инженерного замка. От этого брака родились трое детей: оказавшаяся впоследствии в Венгрии Софья, а также её сестра Наталья и брат Владимир. Став взрослой, Наталья Николаевна по семейной традиции тоже вышла замуж за военного. Это был Александр Данилов. Впоследствии он стал Георгиевским кавалером, во время Японской войны был награждён золотым оружием, а затем назначен командиром Гвардейского корпуса. Член большой се-

мьи Тимченко-Рубан и Ползиковых Данилов дослужился до звания генерал-адъютанта и был назначен пожизненным комендантом Петропавловской крепости в Петербурге. Наталья Николаевна в это время состояла фрейлиной при дворе супруги последнего российского императора Александре Фёдоровне.

Владимир Николаевич, дядя Владимира Бека, также стал военным. Он служил в Лейб-гвардейском Преображенском полку. Во время учёбы в Пажеском корпусе стоял в карауле в Зимнем дворце. Учился в одном классе с наследником сербского престола Георгием Карагеоргиевичем. После Гражданской войны оказался в Париже. Был членом организованного там Союза пажей и, по рассказам, входил в руководство русской военной эмиграции на территории Франции. Владимир Тимченко-Рубан является создателем семейной хроники Рубанов и Ползиковых. Он написал её, используя свои воспоминания, а также опубликованные и архивные документы. Из хроники следует, что оказавшийся в эмиграции в Белграде генерал Николай Тимченко-Рубан за время своей военной карьеры служил в разных концах Российской империи: в Польше, на Кавказе, в Тамбове, Рязани, Белоруссии, Туркестане, Сибири. Во время революционных событий 1905–1907 годов царь Николай II поочерёдно назначал его генерал-губернатором с чрезвычайными полномочиями Тамбовской, Рязанской и Гродненской губерний. В 1914 году Николай Тимченко-Рубан был произведён в генерал-лейтенанты. По возрасту он вышел в отставку и только тогда переехал на жительство в Петербург. Но когда началась Первая мировая война, он вновь пошёл служить. Сначала его назначили командиром запасной дивизии в Самарканде, а затем командиром запасного корпуса в Омске. Революцию 1917 года он встретил генералом от инфантерии. В этом звании окончательно ушёл в отставку, уехал на Черноморское побережье Кавказа, затем перебрался с семьёй в Киев, а после уехал за границу.

Владимир Бек с сыновьями

Что же касается дочери генерала Софьи, то она тоже была женой офицера Русской Армии. Софья Николаевна вышла замуж за выходца из города Нарвы Эдуарда Бека. Его род имел французские и, возможно, немецкие корни. Кажется, именно через него имелась родственная связь с лейтенантом Шмидтом, вставшим во главе восстания моряков Черноморского флота в 1905 году и расстрелянным за это по приговору суда вместе с несколькими матросами.

До революции 1917 года Эдуард Бек служил при младшем брате царя Николая II великом князе Михаиле Александровиче. К 1918 году он был подполковником и проходил службу в Ташкенте. При нём находились его жена и сын Владимир. Именно это и объясняет слова последнего в письме к деду о том, что в Будапеште холодно и сыро. По сравнению с Ташкентом венгерская столица «внуку Володе» показалась холодным северным городом. Однако в тёплом по своему климату Ташкенте тогда ещё 7-летний Володя и его мать столкнулись с другим холодом. С холодом русской революции.

– Это неправда, что Октябрьская революция была бескровной, – рассказывал мне Владимир Эдуардович весной 2001 года, когда ему уже исполнилось девяносто. – Она была довольно-таки кровавой. Я собственными глазами видел своего умирающего отца. Он лежал в советской тюрьме на земле. Там его проткнули штыком. Нам с мамой его не отдали. Потом в списке тюрьмы Ташкента мы увидели его в числе убитых. Я знаю, что он был хорошим человеком. Тогда многих убили. В Ташкенте была юнкерская школа, и учившихся там мальчишек тоже убивали. Октябрьская революция была жестокой. Но Ленин отпустил на свободу всех военнопленных иностранцев. Так в нашем доме поселились несколько венгерских солдат. Через полтора или два года моя мама вышла за одного из них замуж. Когда бывшие военнопленные стали возвращаться на родину, я с мамой и отчимом попал в Венгрию...

Отчима Владимира Бека звали Иштван Мадьяри. Он был музыкантом-трубачом и, поселившись со своей русской семьёй в Будапеште, играл в оркестре Оперного театра, а потом в Городском театре (Вароши синхаз). Новый муж дочери русского генерала Тимченко-Рубана происходил из простой семьи венгерских крестьян. Но и о нём, и обо всей этой семье у Владимира Бека остались самые хорошие воспоминания. Венгерскому языку его научил новый венгерский дедушка – отец отчима. Он постоянно брал его с собой, когда шёл работать на поле. По всей вероятности, именно там дедушка-венгр привил своему русскому внуку и любовь к сельскому хозяйству, что сказалось на выборе им специальности агронома.

В Будапешт Владимир Бек, его мать и отчим переселились в конце 1920-го, через несколько месяцев жизни в деревне. Это было одновременно и переселением в другое государство, так как сама деревня после Трианонского мира оказалась на территории Югославии. Выехать оттуда официальным путём не представлялось возможным, поэтому границу переходили нелегально.

В Будапеште Володя Бек поначалу ходил в русскую школу, которую устроили эмигранты из России на улице Сив. Но вскоре мать и отчим решили, что ему лучше окончить школу венгерскую, чтобы жить в Венгрии было легче. Однако в венгерскую школу Володю не взяли. По-венгерски он тогда ещё говорил слабо, и мать отдала его в немецкую школу, на улице Дамьянич. В этой школе он и получил своё среднее образование. Бек был там единственным русским, но немцы к нему относились хорошо. Наверное, помогла и его фамилия, переиначенная предками на немецкий лад из французской. Когда Владимир стал поступать в Будапештский экономический университет, то оказалось, что авторитет этой немецкой школы настолько высок, что его приняли без экзаменов.

Окончив университет, где он изучал сельскохозяй-